

Научная статья
УДК 81.22
DOI: 10.18101/1994-0866-2022-3-32-41

К ВОПРОСУ О КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЯХ ТЕОРИИ ЗНАКОВ ЧАРЛЬЗА ПИРСА И ЧАРЛЬЗА МОРРИСА

© **Мустафин Альхас Амирович**

кандидат философских наук, научный сотрудник,
Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
Россия, 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 134
alhas355@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются базовые понятия теории знаков, введенные в науку ее основателями Чарльзом Пирсом и Фердинандом де Соссюром, позже получившие развитие в рамках семиотической науки в исследованиях Чарльза Морриса и других ученых. Теория знаков Пирса, или семиотика, составлена на его критике картезианского номинализма с акцентом на индивидуальной интуиции как основе знания. Пирс выступал за семиозис или триадное опосредование в качестве единственного источника и цели познания в противоположность непосредственному знанию. В свою очередь, Моррис попытался синтезировать прагматизм и логический позитивизм для создания новой «науки о науке», которую можно назвать семиотической. Семиотика Морриса предлагает общее описание знака в соотношении со всеми, что принадлежит миру жизни. Он стремился разработать подход к семиотике, который охватывал бы все типы знаков. С этой целью Моррис построил свою терминологию в строго биологических рамках, изложенную в его книге 1946 г. «Знаки, язык и поведение». Результатом попытки синтеза Морриса стала философия, которая объединила основные положения логического позитивизма с элементами семиотического словаря Пирса и восстановила картезианский интуитивизм.

Ключевые слова: Чарльз Пирс, Чарльз Моррис, прагматизм, бихевиоризм, семиотика; теория знаков, семиозис, логический позитивизм, картезианский интуитивизм.

Для цитирования

Мустафин А. А. К вопросу о ключевых понятиях теории знаков Чарльза Пирса и Чарльза Морриса // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 3. С. 32–41.

Введение. Язык, с помощью которого мы общаемся, можно назвать знаковой системой, которая выступает не только инструментом для передачи и хранения информации, но и способом выражения определенного содержания. При этом знаковые системы могут быть разными, но по своей структуре и принципам функционирования они сходны, а их комплексное изучение уже более ста лет осуществляется в рамках науки семиотики.

Система знаков, или семиотика, как отдельная теория стала предметом научных изысканий в конце XIX в., хотя ее предыстория имеет более древние корни. В той или иной форме к проблеме знаков и знаковых систем в разное время обращались Аристотель, Августин Блаженный, Филон Александрийский, Джон Локк, Томас Гоббс и др. В конце XVII в. семиотический подход при изучении

знаковых систем практиковался в работах немецкого философа, логика и математика Готфрида Вильгельма Лейбница. В частности, его концепция «универсального исчисления» содержит принципы математической логики и семиотики.

Идея о семиотике как об отдельной науке, возникшей в конце XIX в., была обусловлена потребностью в более скрупулезной разработке понятия знака, одновременно возникшей в логике, лингвистике, естествознании и математике. Первые попытки создать такую науку предприняли швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр и американский философ и логик Чарльз Сандерс Пирс, причем сделали они это независимо друг от друга.

Де Соссюр рассматривал естественные языки в качестве знаковых систем, разрабатывал теорию значения знаков в рамках науки, которую он назвал семиологией, и воспринимал эту дисциплину как направление, изучающее жизнь знаков внутри жизни социума [1].

Пирс же хотел создать логическую науку, объясняющую, как приобретаются научные знания, толкующие реальность. Он сформулировал более четкие принципы семиотики, а также ввел в обиход и само это понятие, которым обозначил науку о знаковых системах.

В рамках своего семиотического проекта, получившего название «прагматизм», отраженного в ряде статей периода 1868–1903 гг. с подробным изложением философских предпосылок своей теории, Пирс определил параметры семиотического функционала (репрезентант, интерпретант и референт, образующие триадическую природу знака), провел первую классификацию знаков (иконический знак, индекс и символ) и изучил процесс функционирования знака (семиозис) [2, с. 176–222].

Позднее подходы к исследованию систем знаков в рамках семиотической науки разрабатывались Готлобом Фреге, Томасом Себеоком, Рудольфом Карнапом, Чарльзом Моррисом, Умберто Эко и другими известными учеными.

Семиотика последних десятилетий находится в поисках, прежде всего, некой универсальной единицы знакового характера, которую можно было бы установить как в языке, так и в литературе, тем самым теоретически подкрепить эмпирически выявленное единство Умберто Эко [3, с. 6].

Сегодня методы семиотики как научной теории используются при анализе различных сфер деятельности человека, при этом семиотика как наука о знаковых системах достаточно разрознена. Ее можно отнести скорее к исследовательской методологии для анализа познавательной деятельности человека, главным образом в естественно-научной и гуманитарной сферах.

Знаковые системы исследуются семиотикой на трех уровнях, которые соответствуют трем аспектам проблематики семиотики и знаковых систем в целом, — синтактика, семантика и прагматика, ввиду чего семиотику можно отнести к универсальной дисциплине, объединяющей разные подходы. Особенно важными для исследования понятий теории знаков представляются научные концепции, разработанные Чарльзом Пирсом и Чарльзом Моррисом.

Основное содержание. Семиотика, или теория знаков, является универсальным термином, включающим в себя различные научные направления, например, семиологию, кибернетику, герменевтику и т. д. Тем не менее современное ис-

пользование термина «семиотика» связано с теорией, сформулированной Моррисом, который в свою очередь перенял ее у Пирса, основателя современной семиотики.

Впервые термин «семиотика» был предложен английским философом Джоном Локком, который упомянул его в своей работе «Опыт о человеческом понимании». В главе «О разделении наук» третий заключительный раздел науки Локк назвал «учение о знаках» или семиотика, которую отождествлял с логикой, в связи с чем «наиболее обычные знаки — это слова, семиотику довольно удачно называют также логика» [4, с. 200].

В XIX в. семиотика была использована Пирсом как термин для обозначения разработанной им нормативной теории логики, в связи с чем он писал, «что логика в своем наиболее общем смысле есть всего лишь иное название семиотики (σημιωτική), квази-необходимого или формального учения о знаках» [2, с. 176]. Эта нормативная теория лежит в основе всей его философии. Пирс полагал, что предлагаемый прагматизм представляет собой часть целого, им было выделено несколько видов знаков. Для иконических знаков характерно определенное подобие изображения объекту, например, реалистический рисунок, фотография, т. е. изображение объекта с высокой степенью подобия. Чем больше абстракции, тем меньше иконизма. Знаки-индексы представлены в предложениях местоимениями или наречиями. Знаки-символы — конвенциональные знаки, применяемые между собой людьми вследствие явного или неявного соглашения [2, с. 200–223].

В свою очередь, Моррис рассматривал науку о знаках (семиотику) как метафизику и инструмент для всех наук. Процесс формирования знака он называет семиозисом, а сам знак — структурой, состоящей из четырех элементов: собственно знак, значение (интерпретация), означаемое (десигнат), истолкователь. Реально существующий десигнат Моррис именуется денотатом. Моррис развивал бихевиористскую теорию знаков, стремясь объединить логический позитивизм, с одной стороны, бихевиористский эмпиризм и прагматизм — с другой. Основой этого синтеза стал тезис о том, что символы соотносятся с объектом, личностью и с другими символами [5].

По разным причинам Пирс не был широко известен (еще менее понят) как философ при жизни. Одна из основных проблем в понимании его семиотики состоит в том, что интерпретаторы в значительной степени неправильно поняли его теорию, так как она шла вразрез с современной мыслью. Пирс считал себя учеником средневековых схоластов, особенно схоластического реалиста Дунса Скота, пытаясь обновить схоластический реализм в соответствии с современными научными подходами. Но по мере того, как вся культура модернизма в искусстве и науке стала подвергаться сомнению, недосказанность, окружавшая Пирса, стала рассеиваться и он возродился как оригинальный мыслитель уже для современной науки.

Наследие Пирса оказало сильное влияние на семиотику. Однако его идеи подверглись серьезным искажениям, что привело к широко распространенным заблуждениям, создавшим препятствия для понимания его теории знаков. Семиотика, первоначально основанная на критике картезианского номинализма и

фундаментализма, полностью превратилась в свою номиналистическую противоположность благодаря работам Чарльза Морриса.

Моррис синтезировал некоторые основные философские течения своего времени в новой «науке о науке», основанной на изучении научного метода как знаковой системы. Разделами этой метанауки должны были быть «синтаксика», «семантика» и «прагматика», или представление науки как языка, как познание предметов и как вид деятельности. Первые две из этих ветвей продолжили идеи логических позитивистов, а третья представляла интересы прагматиков.

Моррис признавал, что прагматизм может показаться несовместимым с логическим эмпиризмом, но утверждал, что правильное понимание науки должно учитывать «психологические, методологические и социологические аспекты научной практики» [6]. Однако Моррису не удалось даже полностью понять всю полноту различий в позициях логического позитивизма и прагматизма, которые восходят к самым основам современной семиотики.

При изучении аргументации Пирса и сравнении его идей с идеями Морриса становится очевидным, что пирсовская семиотика не только основана на предпосылках, отличных от тех, которые обычно с ней ассоциируются, но и радикально критикует многое из того, что сегодня называется семиотикой.

В 1868 г. Пирс заложил основы своей семиотики в серии статей, опубликованных в «Журнале спекулятивной философии». Темой этих статей была некорректность картезианского подхода к науке. Альтернатива, которую предлагал Пирс, была семиотической, хотя еще и не имела названия. Пирс резюмировал свои возражения против картезианства в следующих четырех пунктах:

1. У нас нет способности к самонаблюдению, но все знания о внутреннем мире выводятся путем гипотетических рассуждений из нашего знания внешних фактов.
2. У нас нет силы интуиции, но всякое познание детерминировано логически посредством предшествующих знаний.
3. Мы не можем мыслить без знаков.
4. У нас нет понятия абсолютно непознаваемого [6, p. 67].

Отрицание Пирсом того факта, что мы обладаем силой интуиции, есть отрицание картезианского скептицизма. Под «интуицией» Пирс имел в виду познание, совершенно не детерминированное каким-либо предшествующим познанием, или то, что сводится почти к тому же посылу, а не вывод из этого. Пирс пришел к выводу, что истинная наука представляет собой процесс самокорректирующегося исследования, помогающий объяснить наблюдаемые факты. Поэтому предположение, что мы обладаем способностью к интуиции, недопустимо.

По мнению Пирса, всякая мысль имеет природу знака, ибо по определению знак есть средство, посредством которого одна вещь представляется чему-то другому, а сам этот знак может быть затем представлен другим вещам посредством других знаков и т. д. Исследование — это непрерывный процесс интерпретации знака. С этой точки зрения идея Пирса заключалась в том, что картезианская философия вместо того чтобы признать фундаментальным сам по себе знаковый процесс, ставит исследование в зависимость от элементов, которые по самой своей природе не могут быть предметом исследования [5, p. 3].

Пирс настаивает на том, что всякая мысль является аспектом семиозиса, т. е. отношение основания и объекта не возникает непосредственно, а скорее представляется в уме через опосредующее представление или интерпретант. Иными словами, «разум» следует понимать как семиозис, продолжающуюся интерпретацию интерпретаций, поэтому вся наука воплощена в знаках, а все знаки суть умозаключения. Таким образом, знаковая теория познания влечет за собой отказ не только от картезианского рационализма, но и от британского эмпиризма. Знаки, а не интуиция, составляют основу семиотики Пирса.

В то же время если мы обратимся к идеям Морриса, более, чем кто-либо, повлиявшего на распространение семиотики, то здесь очевидна иная точка зрения. Моррис впервые осознал важность философской проблемы знаков, будучи студентом Чикагского университета, являясь учеником видного американского философа Джорджа Герберта Мида. У Мида он научился рассматривать значение с точки зрения экспериментальных последствий. Но на Морриса также оказали влияние и логические позитивисты, которые утверждали, что значение языка должно зависеть от существования того или иного рода основных утверждений, истинность или ложность которых в конечном счете можно проверить. Моррис рассматривал логический позитивизм не только как продолжение прагматического направления, но и как способ ясно выразить то, что прагматики сказали лишь расплывчато [6, р. 67]. Семиотика Морриса была попыткой синтезировать эти два влияния. Он, стремясь, как и логические позитивисты, очистить язык, рассматривал семиотику как средство облегчения процесса получения непосредственного знания.

В монографии «Основы теории знаков» [5] Моррис заимствует многие ключевые технические термины Пирса и ряд его концепций, но не всегда ссылается на его идеи. Тем не менее эта монография не только оказала влияние на многих лингвистов и философов, но и заложила основы современной семиотики.

Подобно Пирсу Моррис анализировал семиозис с трех сторон (хотя его определение также ввело неясный четвертый «фактор»). Этот процесс, по традиции восходящей к грекам, обычно включает три (или четыре) фактора: что именно считается знаком, на что указывает знак, в силу чего рассматриваемая вещь является знаком для этого толкователя. Эти три компонента семиозиса можно назвать соответственно знаковым проводником, десигнатом и интерпретантом; интерпретатор может быть включен в качестве четвертого фактора [5, р. 3].

В целом Моррис описал семиотику как «науку о поведении» [8], имея в виду науку или «дисциплину», которую еще предстоит разработать, или «поле», как он предпочитал ее называть, а не уже существовавшее философско-психологическое направление, известное как бихевиоризм. В своей статье 1948 г. «Знаки о знаках» [9] Моррис поясняет свое отношение к Пирсу в рамках науки о поведении. Он утверждал, что его концепция в работе «Знаки, язык и поведение» (1946), как идея изучения знаков в контексте «бихевиористики», взята не у Пирса, а у Мида. При этом Моррис полагает, что в исторической перспективе Пирс оказал определяющее влияние на понятия знака, языка и поведения, и выразил стремление реализовать подход Пирса к семиотике [9]. Он отмечал, что Пирс связывал знаковые процессы с процессами, включающими опосредование или

«третичность». Более того, он отождествлял их точно так же, как Пирс связывал знаковые и психические процессы.

С одной стороны, Моррис искал знаковые процессы в широком классе процессов опосредования, с другой — был убежден, что в посреднических процессах не всегда участвуют знаки. Он сформулировал это ограничение на основании утверждения, что знаковые процессы являются процессами опосредования, в которых фактором опосредования является интерпретант, а интерпретант присутствует не всегда. Очевидно, что это так называемое «ограничение» соответствует точке зрения Пирса.

Другой аспект семиотики Пирса, подтвержденный Моррисом, касается того факта, что знаковые и психические процессы отождествляются друг с другом, поэтому знаковые процессы не ограничиваются только поведенческими или поступательными ситуациями. Пирсовское определение знака с точки зрения разума рассматривалось Моррисом как «идеалистическая метафизика». Пирс пишет в 1903 г.: «Знак — это репрезентант, некоторая интерпретация которого является познанием разума» [7]. Но Пирс не предоставил критерия для определения того, когда вмешивается разум или мысль, поскольку именно разум является условием для определения того, является ли что-то знаком или нет. И если в статье «Вопросы, касающиеся определенных способностей, заявленных для человека» (1868) Пирс пишет, что «каждая мысль есть знак» [2, с. 19–48], поэтому мысли и знаки отождествляются до такой степени, что мысль невозможна, если она не выражена в знаках, то в статье «Некоторые последствия четырех неспособностей» он уточняет свой тезис, предполагая, что мышление невозможно без присутствия чего-то, что действует как знак, который, в свою очередь, выступает как инструмент мысли [2, с. 48–93].

Вместе с тем Моррис решительно отверг пирсовское определение знака, а также всех знаков, порождающих другие знаки. То, что знаки постоянно переводятся или интерпретируются в последующем знаке, не может использоваться в качестве определяющего критерия, поскольку это предполагает цикличность, при которой знак определяется как нечто, что порождает знак, который порождает другой знак, и т. д. [8].

По мнению Морриса, заслуга Пирса заключается в том, что он отверг старый картезианский ментализм, заменил его концепцией привычек поведения и таким образом направил семиотику по пути более адекватного объяснения знаковых процессов.

В книге «Значение и значение» 1964 г. Моррис проводит параллели между теорией знаков и теорией ценности, тем самым укрепляя тесную связь между семиотикой и аксиологией [10]. Он подчеркивает двусмысленную природу значения, которое обычно используется для сокрытия намерения и ценности, и показывает, что природа значения может быть правильно понята только в рамках развитой семиотики, а не наоборот.

Моррис предположил, что знаки обычно определялись диадически как нечто, обозначающее что-то другое. Авторство термина «интерпретант» принадлежит Пирсу. Моррис вместо первых двух элементов знака Пирса, основания и его объекта, поставил свои термины — форму знака и десигнат. Моррис определил

форму знака как «то, что действует как знак», тогда как «то, на что указывает знак», независимо от того, действительное оно или нет, является десигнатом. Те десигнаты, которые реально существуют, Моррис назвал денотатами. По видимому, денотат соответствует тому, что Пирс называл динамическим объектом, а десигнат — непосредственному объекту, за исключением того, что Пирс относил к знаковому объекту — элементу, отстраненному от знакового процесса, который может быть познан только в том виде, в каком он представлен в дальнейшей интерпретации.

Таким образом, позиция Морриса прямо противоположна позиции Пирса, а также позиции Мида. Прагматики стоят на том основании, что всеобщность реальна, что она суть природы и опыта, и даже «язык вещей» в отличие от мета-языка должен пользоваться «универсалиями», потому что объект знака не существует отдельно, он — следствие семиозиса и проявляется через него. Иными словами, Моррис остался номиналистом с учетом того факта, что прагматизм есть обновленный схоластический реализм.

Моррис также заимствовал трихотомию Пирса: значок, индекс и символ, но при этом кардинально изменил значение тщательно продуманной терминологии Пирса, ввел понятие трихотомии знаков в своем обсуждении семантики. Использование Моррисом понятия «индексальный знак» позволило продолжить идею Пирса о денотации через непосредственную фактическую связь знака и объекта, в которой объект подвергается интерпретации. Однако новая трактовка Моррисом этого термина показывает его номиналистические воззрения, в частности, предположения о том, что денотация находится вне знака и в этом процессе смысл зависит от интуиции, а не от семиозиса. Это резко контрастирует с мнением Пирса о том, что хотя денотация отражает любое значение, знак и объект — это не непосредственно данные объекты, а абстрактные элементы знакового континуума.

Моррис, как и Пирс, подчеркивал, что символ связан со своим объектом посредством соглашения. В своем глоссарии 1946 г. Моррис определил символ как «знак, который создается его интерпретатором и действует как замена какого-либо другого знака, с которым он является синонимом; все знаки, не являющиеся символами, являются сигналами...» [3].

Хотя Пирс рассматривал поведение как своего рода знак, то есть как общее, рассуждения Морриса по другим вопросам (например, касающимся «бихевиористики») отражают, что он рассматривал поведение как что-то вне знакового континуума. По его мнению, интерпретатор — это организм или личность, интерпретирующая знак, в то время как «принимающие отчеты» являются интерпретаторами, также и «агенты процесса являются интерпретаторами» [5]. Для Пирса знак, который использует человек, — это сам человек, поэтому факт существования интерпретатора зависит от существования самого интерпретанта, а не наоборот.

В этом смысле нельзя не согласиться с профессором Ю. Ю. Мельвилем, отмечавшим стремление Пирса в конечном счете свести наши знания, получаемые посредством знаков, к чувственным образам, к чувственному знакомству с объектами знака [11, с. 190].

Возможно, самым существенным вкладом Морриса в современную семиотику является еще одно тройственное разделение науки о знаках на синтаксику, семантику и прагматику. Это деление было принято многими семиотиками, лингвистами и философами. Но основной аргумент, который приводит Моррис в своем разделии семиотики, состоит в том, что эти три подразделения должны соответствовать отношениям знака к его трем элементам: средству знака, десигнату и денотату.

В семантике Морриса объект, обозначаемый знаком, является не частью знака, а «вещью», которая может быть представлена в «предметной вещи»: предметное предложение для обозначения любого сентенента, десигнатур которого не включает в себя те или иные признаки. Иными словами, истина у него основана на интуиции, а не на семиозисе.

Таким образом, утверждение о том, что наука должна основываться на бесспорном объективном знании, непосредственном понимании «вещей», привело Морриса и логических позитивистов к тому же субъективизму, за который Пирс критиковал картезианство.

Моррис оставляет вопрос о фактической объективной истинности знаков для семантического уровня, пытаясь объяснить перспективу «пользователя» знака на уровне прагматики. Определяя пользователя как индивидуальный организм, а не вполне социализированное существо, он далеко уходит от прагматизма.

Если прагматизм Пирса находился в оппозиции к субъективизму, который был наследием картезианской философии, то Моррис, пытаясь синтезировать прагматизм и номиналистические теории логического позитивизма, вновь ввел в прагматику старый картезианский субъективизм.

Миф, сложившийся вокруг понятия интуиции о том, что может иметь место первый знак или основание, не определяемое предыдущими знаками, по видимому, захватил Морриса, вынуждая его отрицать собственные основания, что он и пытался объяснить с помощью теории знаков.

Выводы. Теория знаков, или семиотика, прошла долгий путь развития, отражена в концепциях разных философов, но особенно ярко — в трудах двух философов XIX и XX вв. — Чарльза Пирса и Чарльза Морриса.

Семиотика во многом формировалась благодаря влиянию позитивистов, которые, утверждая, что истинные объекты познания находятся вне знания и знаков, что прочное основание всякого познания и разума непознаваемо и иррационально, породили своего рода экстремальную метафизику, которая способна в конечном счете уничтожить саму науку о знаках.

Пирс утверждал, что картезианцы ошибочно пытались основать науку на принципах интуиции, самоанализа и способности познать то, что, по общему признанию, непознаваемо. Предлагая свою альтернативу, Пирс ставит обоснованное знание в зависимость от фактора непрерывности исследования, степени открытости и проверяемости гипотез.

В случае Морриса претензия на полное отречение от прошлого привела его к отказу от явного признания не только влияния Пирса, но и к попыткам сделать прагматизм более строгим. Моррис пытался заложить фундамент новой науки о знаках, которая освободит человека от паутины слов, но результатом его карте-

зианского фундаментализма стала новая небесспорная теория — современная семиотика.

Моррис сделал два фундаментальных вывода из исследований Пирса о знаках: во-первых, для достижения важных результатов в семиотике теория не обязательно должна принадлежать какой-либо психологической или философской поведенческой теории; во-вторых, семиотика не должна основываться на менталистическом порядке, чтобы оставаться в научных рамках, а скорее на бихевиористике, понимаемой как общая теория поведения, включая знаковое поведение. В научном споре с Пирсом явно прослеживается ориентация Морриса на бихевиористику и биологию.

Пирс занимался проблемами, которые нельзя было игнорировать в семиотике, и подчеркивал важность терминологических вопросов для методологии. Моррис также критически относился к тому, что он считал неопределенными и двусмысленными терминами (такими как менталистический), и сформулировал собственную терминологию на основе науки, объективно изучающей поведение людей и животных, то есть биологии. К идеям Пирса он обратился с намерением выйти за их пределы.

Моррис стремился выработать глобальный подход к человеку и его знакам, что обусловило его интерес ко всем типам знаков, кроме рациональных и целенаправленных, знаков иррациональных, знаков мистицизма, человеко-космических символов, неких патологических признаков, признаков социального отчуждения и т. п. Хотя Моррис соглашался с пирсовским описанием семиозиса как «действия знака», он ограничивал свою концепцию действия поведением, направленным на достижение цели. Этот подход предполагает наличие субъекта, организма, его целевого поведения и цели-объекта, то есть «конечного объекта» вне семиозиса.

Использование Моррисом термина «прагматика» на самом деле имеет мало общего с тем, что Пирс имел в виду под прагматизмом. Моррис фактически определял прагматику как целесообразность, а именно отношение знаков к их пользователям внутри того поведенческого континуума, в котором они проявляются. Работы двух этих философов наглядно демонстрируют необходимость дальнейшего развития семиотических традиций и их более глубокого понимания, чтобы теория и ее терминологический аппарат могли стать реальными инструментами для исследования, а не умозрительными средствами научной мистификации.

Литература

1. Saussure F. Deo. Course in General Linguistics. New York: McGraw-Hill, 1966. P. 696.
2. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. Москва: Логос, 2000. 448 с. Текст: непосредственный.
3. Семиотика: сборник статей / ответственный редактор Ю. С. Степанов. Москва: Радуга, 1983. 628 с. Текст: непосредственный.
4. Локк Дж. Сочинения. Москва: Мысль, 1985–1988. Т. 2. 560 с. Текст: непосредственный.
5. Morris C. Foundations of the Theory of Signs. Chicago: University of Chicago Press. 1938.
6. Morris C. Scientific empiricism. Encyclopedia and Unified Science. Chicago: University of Chicago Press, 1938. P. 72.
7. Petrilli S. From pragmatic philosophy to behavioral semiotics: Charles W. Morris after Charles S. Peirce. January 2004. Semiotica. 2004. № 148. P. 277–315.

8. Morris Ch. Signs, Language and Behavior. New York: George Braziller, 1964. P. 373–397.
9. Morris Ch. Signs about signs about signs. In C. Morris 1971. P. 434–455.
10. Morris Ch. Signification and Significance. A Study of the Relations of Signs and Values. 1964. Cambridge, Mass: Mit Press. It. trans. in C. Morris 1988. P. 29–126.
11. Мельвиль Ю. К. Чарльз Пирс и прагматизм. Москва: Изд-во МГУ, 1968. 492 с. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022; одобрена после рецензирования 14.09.2022; принята к публикации 16.09.2022

REVISITING THE KEY CONCEPTS OF THE THEORY OF SIGNS OF CHARLES PEIRCE AND CHARLES MORRIS

Alkhas A. Mustafin

Cand. Sci. (Philos.), Researcher,
Irkutsk Scientific Center SB RAS
134 Lermontova St., Irkutsk 664033, Russia
alkhas355@mail.ru

Abstract. The article discusses the basic concepts of the theory of signs, introduced into science by its founders Charles Peirce and Ferdinand de Saussure, these concepts were later developed within the framework of semiotic science in the studies of Charles Morris and other scholars. Peirce's theory of signs, or semiotics, was based on his critique of Cartesian nominalism with its emphasis on individual intuition as the basis of knowledge. Peirce advocated for semiosis or triadic mediation as the only source and goal of knowledge in contrast to direct knowledge. Morris, in turn, attempted to synthesize pragmatism and logical positivism to create a new metascience that might be called semiotic. Morris's semiotics offers a general description of the sign in relation to everything that belongs to the world of life. He sought to develop an approach to semiotics that encompassed all types of signs. To this end, Morris constructed his terminology within a strictly biological framework, expounded in his book “Signs, Language and Behavior” (1946). The result of Morris's attempt of synthesis was a philosophy that combined the basic framework of logical positivism with elements of Peirce's semiotic vocabulary and restored Cartesian intuitionism.

Keywords: Charles Pierce, Charles Morris, pragmatism, behaviorism, semiotics, the theory of signs, semiosis, logical positivism, Cartesian intuition.

For citation

Mustafin A. A. Revisiting the Key Concepts of the Theory of Signs of Charles Peirce and Charles Morris. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2022; 3: 32–41 (In Russ.).

The article was submitted 05.09.2022; approved after reviewing 14.09.2022; accepted for publication 16.09.2022.